

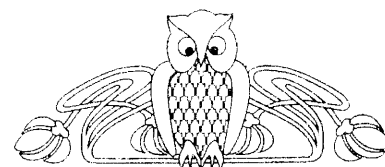
- тысячелетия // Современное общество: человек, власть, экономика. Саратов, 2003. *Он же*. Власть и политическое лидерство // Там же. Саратов, 2002; *Он же*. Интеллигенция, власть и реформы // Интеллигенция в судьбе России на рубеже XX и XXI веков. М.: Улан-Удэ, 2000.
- ³ См.: *Философия власти* / Под ред. проф. В.В. Ильина. М., 1993.
- ⁴ Римские папы, например, считали себя не только безраздельными церковниками, но и светскими властями: «если Светский Престол имеет власть от Бога решать духовные дела, – говорил папа Григорий VII, – то почему же не может решать и светские?... Епископство настолько выше царского достоинства, насколько золото выше свинца...». Цит. по: *Войков И.Н.* Церковь. Русь и Рим. София, 2000. С.129.
- ⁵ См.: *Советский энциклопедический словарь*. М., 1985. С.744.
- ⁶ См.: *Олейник В.* Князь тьмы (два года в Кремле). М., 1992. С. 68, 69.
- ⁷ *Платонов О.А.* Покушение на русское царство. М., 2004. С. 2.
- ⁸ Там же. С.73.
- ⁹ Первый и последний (Изд-во «Библиотека "Сербского Креста"», 2006. №10. С.37).
- ¹⁰ См. соответствующие сочинения Ленина по борьбе с «мерзкой бесовщиной», его телеграммы Троцкому и ответные телеграммы Троцкого о необходимости «изъятия церковных ценностей», а по существу разгрому церкви; см. также содержание газеты и журнала «Безбожник»: выступления Н.С. Хрущева, партийно-советские постановления времен его правления по усилению атеистической пропаганды. См., напр.: *Платонов О.А.* Бич Божий: эпоха Сталина. М., 2004; *Он же*. Покушение на русское царство. М., 2004; *Он же*. Тайное беззаконие. М., 2004; *Он же*. Еврейский вопрос в России. М., 2005.
- ¹¹ Емельян Ярославский – ответственный редактор антирелигиозной газеты «Безбожник», выходившей в Москве с декабря 1992 по июль 1941 г., и журнала «Безбожник», выходившего с марта 1925 г. по июнь 1941 г., председатель Центрального Совета «Союза воинствующих безбожников», существовавшего в 1925–1947 гг. (см.: БСЭ. Т.3. С.79; Т.24. Ч.1. С.266).
- ¹² О религии и церкви. М., 1977. С.31.
- ¹³ См.: Вехи истории. Киев, 1977. С. 19, 27; *Боярищев В.* Перестройка: от Горбачева до Чубайса. М., 2005. С.96.
- ¹⁴ Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 1995. С. 733–734.
- ¹⁵ Православная Москва. 1996. Февраль.
- ¹⁶ См.: *Платонов О.А.* Государственная измена. М., 2004. С. 30.
- ¹⁷ См.: *Гаради В.И.* Религиоведение // Наука и религия. 1998. №9.
- ¹⁸ Пора образумить религиозных миссионеров // Рос. газета. 1996. 22 дек.
- ¹⁹ О свободе совести и религиозных объединениях: ФЗ от 26 сент. 1997 г. // Рос. газета. 1997. 1 окт.
- ²⁰ Российский статистический ежегодник. 2000. М., 2001.
- ²¹ Москва. 2007. С. 237.
- ²² См.: Комплекты журнала «Первый и Последний» за 2005, 2006 гг.
- ²³ Первый и Последний. 2006. №4. С.32.
- ²⁴ Радиостанция «Эхо Москвы». 15 апр. 2007 г. Программа Евгения Киселева «Намте всё».
- ²⁵ Радиостанция «Эхо Москвы». 8 апр. 2007 г.
- ²⁶ Первый и Последний. 2006. №9. С.2.
- ²⁷ Российский статистический ежегодник. 2000. М., 2001. С.9.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Все столицы мира: Энцикл. справочник. М., 2004. С.145.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» в редакции от 29.06.2004.
- ³² *Селищев А.С., Селищев И.А.* Китайская экономика XXI века. СПб., 2004. С.15.

УДК 321.7

МЕТАМОРФОЗЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В НЕЗАПАДНЫХ СОЦИУМАХ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДЛЯ ТРАНСФОРМАЦИИ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАНЗИТОЛОГИИ (исследование на примере России и Бразилии)

Д. А. Егоренков

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: egorenkova@mail.ru

В данной статье содержится критика классических транзитологических моделей, методологические возможности которых не позволяют системно проанализировать проблемы, связанные с консолидацией демократии в незападных социумах. На примере политической модернизации России и Бразилии показано несоответствие между политической практикой в переходных обще-

ствах и теоретическими схемами демократических транзитов. Кроме того, в работе содержатся тезисы о необходимости объективного учёта экономических, социальных и культурных факторов при анализе политического развития любого государства и ставится задача разработки усовершенствованной типологии политических режимов.

Metamorphoses of Liberal Democracy in Not Western Societies as the Precondition for Transformation Classical Transitzology (Research on an Example of Russia and Brazil)

D. A. Egorenkov

In given article the criticism classical transitzology models as their methodological opportunities do not allow contains is system to analyse the problems connected with consolidation of democracy in not western societies. On an example of political modernization of Russia and Brazil discrepancy between political practice in transitive societies and theoretical schemes of democratic transitzions is shown. Besides in work theses about necessity of the objective account of economic, social and cultural factors contain at the analysis of political development of any state and the problem of development of the advanced typology of political reghimes is put.

Демократия в современных условиях может выступать в самых различных ипостасях, являясь одновременно и принципом государственного управления в национальной политической системе, и универсальным принципом конституирования любой социальной организации, и даже идеологией планетарного масштаба.

Научный интерес к проблемам демократии и демократизации заметно активизировался в 80–90-е гг. XX в. В это время в политологическом сообществе преобладало мнение, что большинство стран Восточной Европы и Латинской Америки следуют по пути либерально-демократического развития¹. Большинство транзитологических моделей базировались на концепции «третьей волны демократизации» американцев А. Тоффлера и С. Хантингтона² с её акцентом на глобальное расширение либеральной демократии³.

Но уже спустя несколько лет специалисты-транзитологи стали осознавать, что значительная часть переходных обществ «застряла» на пути между учреждением демократии и её консолидацией.

Анализ политической практики в переходных обществах способен наилучшим образом проверить рабочий потенциал концепции «третьей волны». В современной политологии преобладает индуктивный подход, когда выводы эмпирических исследований подгоняются под уже существующие концепции. Именно так стратегически осуществляются исследования в области демократических транзитов⁴. Нам же представляется наиболее продуктивной дедуктивная стратегия, которая предполагает не подгон практики под теорию, а тестирование теории практикой.

Необходимость теоретического обновления классической транзитологии наиболее остро стала ощущаться примерно с середины

90-х гг. Например, бразильский политолог Ф. Веффорт писал, что «новые демократии» представляют собой смешанные режимы, особые разновидности гибридизации, основанные на сочетании в переходный период демократических институтов, норм и ценностей с авторитаризмом, следовательно, дальнейшая эволюция политических режимов в данных странах трудно предсказуема⁵.

В настоящее время главные трудности в идентификации политических режимов различных стран связаны с расхождением между формальными и неформальными характеристиками политических систем. На наш взгляд, представляет интерес типология современных демократий, предложенная американским политологом Ларри Даймондом⁶. Он, признавая наличие в большинстве стран мира формально-демократических структур власти, выделяет псевдо-, электоральные и либеральные демократии.

Псевдodemократии – это режимы, обладающие многими конституционными характеристиками электоральной демократии, в них легально действуют оппозиционные партии, однако не существует честного электорального соперничества, способного привести к отстранению от власти правящей партии. А вот решающее различие между электоральной и либеральной демократиями заключается в том, что в одном случае гражданские свободы учитываются преимущественно в той мере, в какой они обеспечивают содержательную электоральную конкуренцию и участие, тогда как в другом они рассматриваются в качестве необходимых компонентов демократии, гарантирующих реализацию более широкого круга демократических функций.

При анализе политических процессов, например, в России мы сталкиваемся с интереснейшим, но ещё не получившим адекватной теоретической проработки феноменом эволюции недемократических режимов одного типа и трансформации их в недемократические же режимы иных разновидностей. Среди политологов встречаются следующие наименования российского политического режима: моноцентристский режим с доминирующей президентской властью, управляемый плюрализм, бюрократически-авторитарный режим и т.д.⁷ Суть всех этих сложно-смысловых конструкций заключается в том, что потенция смены государственно-властной элиты в России сегодня близка к нулю, а

гражданское общество фактически отсутствует. Поэтому отличительной чертой нынешнего этапа в политическом развитии России считается глубокий кризис либеральной модели демократии⁸.

Модель «мягкого авторитаризма» очерчивает коридор возможностей для современного российского общества, что обуславливается отечественными традициями и историческим опытом. Как фиксируют многие исследователи, страна невероятно устала от социально-экономических проблем, неупорядоченности и беззакония. Не получив гарантий стабильности от «демократических реформ», общество разочаровалось в подобной демократии и готово поддержать такую власть, которая обеспечит долгожданный порядок. Как показал опрос, проведённый в 2003 г. Аналитическим центром Ю. Левады, будучи поставлены перед альтернативой — порядок или демократия, 70% россиян отдают предпочтение порядку и только 27% — демократии⁹.

В Бразилии видится несколько иная картина политической реальности. Опыт политической трансформации этого государства говорит о том, что формы электоральной демократии там утвердились и эффективно действуют. Политический класс Бразилии продемонстрировал способность ограничить масштабы нарушений прав человека, соблюдать законность, свободу СМИ, обеспечив плавный переход к демократизации партийно-политической системы. В 2003 г. в Бразилии в результате президентских выборов к власти пришёл лидер левой оппозиции (Партии трудящихся) Луис Инасио Лула да Силва (он сменил правоцентриста Ф. Э. Кардозо), что само по себе свидетельствует о жизнеспособности электоральной демократии и способности проигравшей части элиты признать легитимность новой администрации¹⁰.

В Бразилии имеются развитые структуры гражданского общества, что является важной характеристикой стран, продвинувшихся по пути политической модернизации. Однако фрагментация общества и «кричащее» социальное расслоение, вызванные тяжёлыми неолиберальными экономическими реформами, значительно «подморозили» деятельность гражданского общества. Но в стране традиционно активной является модель прямой, партисипативной демократии, действующей на уровне местного самоуправления.

Для понимания преобладающих в обществе настроений показательным отношением бразильцев к дилемме «свобода или порядок». В пользу порядка в Бразилии высказываются 53%. В 2002 г. уровень поддержки демократии был лишь 37%, а на вопрос «что означает демократия?» ответили «не знаю» 59% бразильцев¹¹.

Кроме того, общей тенденцией общественно-политического развития России и Бразилии является высокий уровень доверия Главам государств, в Бразилии ещё и вооружённым силам (в каждой из стран рейтинг доверия этим институтам составляет около 60%). Такой результат не только свидетельствует о распространённости в массовом сознании населения ожиданий «твёрдой руки» после разрушительных неолиберальных реформ, но и служит косвенным свидетельством риска возврата к авторитаризму.

Не случаен тот факт, что в процессе перехода от авторитаризма (тоталитаризма) к демократии архитекторы реформ в Бразилии и России учредили президентские формы правления. В двух странах на принятие соответствующего решения несомненное воздействие оказали исторические традиции («path dependency») и особенности политической культуры, связанные с персонифицированностью власти и политической ответственности, поэтому так называемый президентализм не может не привносить в государственное управление двух стран некоторые элементы автократии.

На основе изучения нами социально-политической реальности в России и Бразилии приходится констатировать, что этим двум странам не удалось приблизиться к консолидации в своих обществах классической модели либеральной демократии, утвердившейся в Западной Европе и Северной Америке.

Очень часто политологи, работающие в русле транзитологической парадигмы и неизбежно апеллирующие к идеалу западной демократии, вынуждены постоянно фиксировать состояние несоответствия политической реальности исследуемых стран по отношению к идеал-типической конструкции. Этот своего рода методологический «тупик» уже на протяжении долгого времени выступает предпосылкой для коррекции, обновления и дополнения транзитологической парадигмы. Как пишет И.И. Кузнецов, выявление всё большего числа «отклоняющихся» от де-

мократии форм делает очевидными ограниченные возможности чисто компаративного подхода в объяснении складывающихся политических систем¹². В дополнение к компаративному анализу требуется рассматривать исторические особенности восприятия правовых и политических инноваций, отношение населения к модернизационным импульсам властных элит, степень сохранения и воспроизводства социокультурного багажа, традиций, ретрансляции устойчивых символов массового сознания.

В этой связи считаем уместным и продуктивным при анализе переходных демократических процессов балансировать между структурным и процедурным подходами¹³. Сторонники первого подхода акцентируют внимание на зрелости объективных предпосылок генезиса и развития демократии, представители второго – выдвигают на первый план факторы субъективного порядка. Видимо, на первых, подготовительных этапах демократического перехода главным условием успеха действительно является способность политических элит инициировать и поддерживать процесс радикального реформирования общества. Вместе с тем можно предположить и то, что на последующих этапах основными факторами, определяющими степень устойчивости демократической системы, выступают уровень социально-экономического развития и тип доминирующих в обществе ценностных ориентаций¹⁴. Поэтому, в частности, неэффективность режима формальной демократии в области социально-экономической политики и общественно-государственных отношений делает весьма затруднительным процесс консолидации демократического режима как в России, так и в Бразилии.

Американский политолог А. Пшеворский писал о взаимосвязи экономических и политических реформ¹⁵. По его мнению, экономические рыночные реформы обходятся дорого в социальном отношении и поэтому являются рискованными с политической точки зрения, поскольку ухудшение материальных условий может быть достаточным для разрушения демократического государства (имеется в виду возможность ограничения оппозиционной деятельности и реставрации авторитаризма) либо для прекращения процесса реформ.

Нетрудно видеть, что в России да и отчасти в Бразилии, вследствие негативных неолиберальных реформ для государства и

общества, наметился серьёзный кризис либерально-демократической модели развития. С одной стороны, общественное мнение в двух странах отвергает свободу и демократию, обвиняя их в социальной несправедливости, а с другой – политические элиты в современных условиях нередко пользуются в управлении авторитарными методами.

Грубое несоответствие между теоретическими схемами демократизации и политической практикой в ряде незападных социумов не только опровергает идею линейного транзита, но и ставит перед научным сообществом грандиозную исследовательскую задачу: разработать концептуальную рамку разворачивающихся режимных изменений, предложить детализированную и дифференцированную типологию современных политических режимов.

Конечно, попытки модифицировать научный аппарат теории демократизации предпринимались неоднократно, но это приводило лишь к размножению формальных моделей демократического транзита и к появлению серии новых терминов, построенных по схеме «демократия с прилагательными» – «делегативная»¹⁶, «нелиберальная»¹⁷ и т.д.

Однако все эти попытки оставались в рамках концепции демократического транзита, что оставляло «за бортом» анализа проблему постоянного воспроизводства в переходных обществах элементов «недемократии».

В последние годы в политологических кругах всё чаще звучат призывы отказаться от свойственной транзитологии телеологизма и предвзятого убеждения, что демократизация является фундаментальным вектором общемирового развития. Проблема концептуализирована, в частности, в статье Т. Карозера¹⁸. Дискуссии о методологических перспективах политической науки после транзитологии ведутся и в российской научной среде¹⁹. Российский исследователь А.С. Шириков предполагает, что на смену транзитологическому подходу могут прийти либо «очищенная» неинституциональная парадигма, либо некая совершенно новая теоретическая схема, либо даже восстановленная в правах советология. А.С. Шириков уже называет нынешнее политологическое мышление «посттранзитологическим», поскольку оно постепенно отказывается от образа демократии как заданной цели, а измерения качества демократии больше не выступают в нём главным инструментом познания²⁰.

Таким образом, вышеобозначенные тенденции позволяют заключить, что почти всегда в процессе демократизации несравнимо легче импортировать институциональные формы либеральной демократии, чем импортировать её культурные и эпистемологические значения. По-видимому, ряд стран, в том числе обладающих большим весом и влиянием на международной арене, во всяком случае в обозримой перспективе сохраняют полудемократические или даже откровенно авторитарные формы. Поэтому политическая унификация всего мирового сообщества на основе либеральной демократии в современных условиях представляется едва ли возможной.

Примечания

¹ См.: *Банс В.* Элементы неопределённости в переходный период // *Полис*. 1993. №1; *Карл Г., Шмиттер Ф.* Пути перехода от авторитаризма к демократии в Латинской Америке, Южной и Восточной Европе // *Международный журнал социальных наук*. 1991. №1; *Ишворский А.* Переходы к демократии // *Путь*. 1993. №3; *Растои Д.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Полис*. 1996. №5; *Хантингтон С.* Будущее демократического процесса: от экстенсии к консолидации // *МЭиМО*. 1995. №6 и др.

² См.: *Toffler A.* *The Third Wave*. N.Y., 1980; *Huntington S.* *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, 1991.

³ В данном контексте уместно было бы вспомнить ролевую концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы и логически вытекающий из неё тезис об универсальном «императиве модернизации».

⁴ См.: *Митрохина Т.Н.* Сравнение как средство развития политической теории // *Полис*. 2004. №3. С.171.

⁵ См.: *Валфори Ф.* Что такое «новая демократия»? // *Международный журнал социальных наук*. 1993. №3. С.128-129.

⁶ См.: *Даймонд Д.* Прогляди ли «третья волна» демократизации? // *Полис*. 1999. №1. С.13-16.

⁷ См.: *Зудин А.Ю.* Режим В. Путина: контуры новой политической системы // *Общественные науки и современность*. 2003. №2; *Ватер А.* Управляемый авторитаризм: формирующийся режим В. Путина // *Общественные науки и современность*. 2004. №2; *Шевцова Л.Ф.* Россия опять оказалась в точке бифуркации // *Власть*. 2005. №6.

⁸ См.: *Красин Ю. А.* Метаморфозы демократии в изменяющемся мире // *Полис*. 2006. №4. С.134.

⁹ См.: *Вестник общественного мнения*. 2005. №6. С.57.

¹⁰ См.: *Чумакова М. И.* Координаты политической модернизации // *Латинская Америка*. 2004. №4.

¹¹ См.: *Чумакова М. И.* Латинская Америка: власть и политика в зеркале общественного мнения // *Латинская Америка*. 2005. №8.

¹² См.: *Кутяшов И. И.* Парадигма транзитологии (Плюсы и минусы объяснительной концепции переходного периода) // *Общественные науки и современность*. 2000. №5. С.49.

¹³ Особенности структурных и процедурных аспектов демократических транзитов хорошо описаны в работе российского политолога А.Ю. Мельвиля «Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты)». М., 1999.

¹⁴ См.: *Чепель С. Л.* Демократические переходы: закономерности и этапы // *Социально-гуманитарные знания*. 2004. №2. С.162-163.

¹⁵ См.: *Ишворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999.

¹⁶ См.: *О'Донелл Г.* Делегативная демократия // *Пределы власти*. 1994. № 2-3.

¹⁷ См.: *Захария Ф.* Подъём нелиберальной демократии // *Открытая политика*. 1998. №9-10.

¹⁸ См.: *Карозерс Т.* Конец парадигмы транзита // *Политическая наука*. 2003. №2.

¹⁹ См.: *Канустин Б. Г.* Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // *Полис*. 2001. №4; *Канустин Б. Г.* Посткоммунизм как постсовременность // *Полис*. 2001. №5; Новые демократии и/или новые авторитарии? (материалы круглого стола) // *Полис*. 2004. №1.

²⁰ См.: *Шириков А.С.* Транзитология: затянувшееся прощание? // *Полис*. 2005. №2. С. 178.

УДК 323:34

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ДЕЛОВАЯ ЖИЗНЬ: ГОРИЗОНТЫ НОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ

Н.Ю. Борцова, И.В. Власенко*

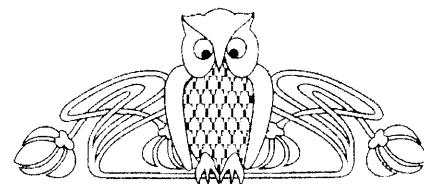
Адвокатская контора № 11 г. Ставрополя
* Ставропольская государственная академия управления

В статье доказывается, что успех отечественного рыночного общества во многом связан с обеспечением альянса правовой политики и деловой жизни.

Legal Policy and Business Life: Horizons of Their Relation Normalization

N.Yu. Bortsova, I.V. Vlasenko

The article proves that the success of the native market society is related with providing for the link of legal policy and business life.

Российское рыночное общество, его основная движущая сила – предпринимательство, вступившие на путь демократического развития, испытывают острую потребность в альянсе между деловой жизнью и ясной, понятной политикой. В данном случае речь идет о правовой политике как научно обоснованной и последовательной деятельности